ПРОШЕНІЕ СОТНИКОВЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКА

—○—

КОЗАЧЬИХЪ ОБИДАХЪ,

поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-1
1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 21 Апрѣля 1894 г.

Прошеніе сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г.

Документъ, печатаемый подъ приведеннымъ заглавіемъ, отысканъ нами въ дѣлахъ Харьковскаго Историческаго Архива и имѣетъ свою исторію, не вполнѣ, правда, ясную, не вполнѣ и законченную, но тѣмъ не менѣе довольно любопытную и поучительную. Мы перескажемъ ее здѣсь, по возможности, въ короткихъ словахъ, не вдаваясь въ подробности, оттѣняя отъ нихъ лишь то, что такъ или иначе уясняетъ значеніе самаго прошенія. [1])

Когда разошлась по Малороссіи вѣсть о предполагаемомъ путешествіи императрицы Елизаветы въ Кіевъ, въ разныхъ слояхъ малорусскаго общества проявилось нѣкоторое оживленіе. Здѣсь уже хорошо извѣстна была близость къ императрицѣ Ал. Разумовскаго, и на фактѣ этой близости и вытекавшихъ изъ нея симпатій Елизаветы къ Малороссіи строились многіе разсчеты. Особенно старшина, заранѣе позаботившаяся обезпечить себѣ вниманіе любимца государыни, надѣялась съ его помощью добиться удовлетворенія своихъ желаній, въ ряду которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимало возстановленіе гетманства и устраненіе великорусскихъ чиновниковъ отъ управленія страною; вмѣстѣ съ тѣмъ старшина хлопотала и объ уничтоженіи тѣхъ указовъ, которые полагали нѣкоторыя препятствія къ свободному росту ея экономическаго могущества на счетъ другихъ классовъ народа. Но ожидаемый пріѣздъ государыни въ страну давалъ, казалось, возможность дойти до нея голосамъ и другаго рода,

[1]) Самое прошеніе извлечено нами изъ дѣла Х. И. Арх., Дѣлъ Малор. Колл., Черниг. отд., № 51. Въ этомъ дѣлѣ находятся бумаги слѣдствія съ декабря 1747 г. по 1754 г. Другое дѣло (ibidem, № 214) рисуетъ судьбу прошенія въ сенатѣ, назначеніе слѣдственной коммиссіи и начало слѣдствія. Прошеніе напечатано нами по списку, который былъ сперва у Кузьминскаго, потомъ у Полянскаго.

представлялъ удобный случай обратить вниманіе верховнаго правительства на тотъ ненормальный путь, какимъ шло развитіе соціальной исторіи края, на тѣ многочисленныя злоупотребленія, какими сопровождались дѣйствія мѣстной администраціи, воплощавшей въ себѣ опредѣленные соціальные интересы, на тѣ прямыя притѣсненія, наконецъ, какимъ часто подвергались лица низшихъ общественныхъ классовъ. Подобныя мысли и дѣйствительно появились мѣстами, главнымъ образомъ въ средѣ сотенной администраціи, обладавшей нѣкоторыми средствами для ихъ осуществленія и не всегда настолько отдѣлявшійся отъ массы козачества, чтобы вполнѣ забыть его интересы. При этомъ однако рѣчь шла именно только о козачествѣ, представителями которыхъ являлась эта сотенная старшина; группа посполитыхъ, не менѣе, если не гораздо болѣе еще нуждавшаяся въ помощи, не входила въ разсчеты лицъ, мечтавшихъ выступить ходатаями отъ лица народа, можно думать, по тому, что самые интересы козаковъ и посполитыхъ представлялись въ данное время уже далеко разошедшимися въ разныя стороны. Особеннымъ успѣхомъ мысль о такомъ представительствѣ передъ императрицею за козаковъ пользовалась въ средѣ черниговскихъ сотниковъ, у нихъ же она нашла себѣ и реальное осуществленіе. Сотники и сотенные старшины Черниговскаго полка, назначенные для встрѣчи и конвоированія императорскаго поѣзда, не разъ съѣзжались и бесѣдовали на ту тему, что хорошо было бы довести до свѣдѣнія государыни о козачьихъ нуждахъ.

Главными участниками этихъ бесѣдъ, а вмѣстѣ, повидимому, и иниціаторами всего замысла были четыре сотника: Синявскій—Андрей Полянскій, сосницкій—Павелъ Полтанскій, бѣлоусскій—Демьянъ Малинскій и менскій—Григорій Кузминскій. Они-то собирали у себя съѣзды другихъ сотниковъ „для согласія“, вели съ ними частые разговоры о злоупотребленіяхъ полковниковъ и генеральныхъ старшинъ и усердно агитировали среди низшихъ старшинъ сотенъ, доказывая необходимость заступиться за козаковъ и обличить передъ императрицей дѣйствія высшей администраціи Малороссіи. Въ концѣ концевъ имъ удалось привлечь къ своему плану еще шестерыхъ сотниковъ (райскаго, волынскаго, городницкаго, седневскаго и наказныхъ менскаго и синявскаго) и нѣсколько десятковъ низшихъ сотенныхъ старшинъ и куренныхъ атамановъ. Въ собравшемся такимъ образомъ кружкѣ каждый изъ лицъ, его составлявшихъ, обладалъ богатымъ запасомъ фактовъ, подтверждавшихъ задуманныя обличенія,

но далеко не всѣ были увѣрены въ успѣхѣ этихъ обличеній. „Хотя то и усе правда, говорилъ Полянскому седневскій сотникъ Иванъ Рымша на одномъ изъ собраній, токмо трудно буде о томъ всемъ доказывать“. Постоянныя бесѣды, на которыхъ происходилъ обмѣнъ впечатлѣніями и фактами, подкрѣпляли однако духъ кружка и сообщали отдѣльнымъ его членамъ увѣренность въ возможности осуществить съ успѣхомъ задуманное дѣло. Рѣшено было составить челобитную, въ которой резюмировать всѣ отдѣльные факты злоупотребленій, кому-либо изъ участниковъ извѣстные, и, снабдивъ ее подписями всѣхъ членовъ кружка подать императрицѣ. Такая челобитная и была составлена, притомъ даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ, съ подписями 9 сотниковъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ, врученъ былъ Кузминскому для подачи императрицѣ. Въ послѣднюю, рѣшительную минуту на Кузминскаго напалъ однако страхъ передъ затѣяннымъ дѣломъ и онъ уѣхалъ изъ Кіева, не подавъ челобитной, о чемъ лишь черезъ нѣкоторое время извѣстилъ Полтанскаго слѣдующимъ письмомъ: „Благородный м-цѣ пане сотникъ Сосницкій, мой велце ласкавій благодѣтель! Доношеніе о нуждахъ козачихъ въ обществѣ мною въ Кіевѣ не подано для того, что самому мнѣ едному за отъездомъ вмтей мцѣ панства подавать было не безъ подозрѣнія, другое, что слухъ весма надеждній происходилъ о учрежденіи гетмана, третое, что дней за нѣсколко пред выездомъ Ея Императорского Величества и челобитнихъ подавать отказано, зачимъ я оное доношеніе одослалъ до пана сотника Синявского, мнѣ же в Кролевцѣ обявилъ панъ сотникъ Бѣлоускій, что такое жъ доношеніе подано отъ его Ея Императорскому Величеству и онъ видѣлъ уже у габинетнаго секретаря, господина Демидова, обявляю. Вашево благородия покорный слуга Г. Кузмѣнскій. Сент. 29 1744 г. Мена“. Въ этомъ письмѣ Кузминскій собственно скрадываетъ дѣйствительные мотивы, въ силу которыхъ онъ не подалъ «доношенія»: другимъ своимъ товарищамъ онъ говорилъ тоже, что не сдѣлалъ этого «за неполученімъ къ тому способного времени», на слѣдствіи же позднѣе показывалъ, что такъ онъ поступилъ «не токмо за неполученіемъ способного времени, но и для того, что онъ, сотникъ, разсуждалъ, ежели де оное доношеніе подать, то будетъ продолжителное по оному слѣдствіе. Какъ бы то ни было, дѣло оказалось сдѣланнымъ и безъ него: Малинскій, въ рукахъ котораго тоже находился списокъ доношенія, подписанный кромѣ него Полянскимъ, Полтанскимъ и 22 человѣками сотенныхъ старшинъ и куренныхъ атама-

новъ, подалъ этотъ списокъ имп. Елизаветѣ и такимъ образомъ планъ черниговскихъ сотниковъ былъ осуществленъ: оставалось считаться съ его послѣдствіями.

Они наступили впрочемъ не такъ скоро: доношеніе сотниковъ было передано императрицей, по возвращеніи ея изъ путешествія, въ сенатъ, для разсмотрѣнія и наведенія справокъ по нему; здѣсь оно пролежало около двухъ лѣтъ и лишь въ 1746 г. дѣло было представлено въ докладъ. Сенатъ рѣшилъ наряднть комиссію для разсмотрѣнія и провѣрки на мѣстѣ тѣхъ обвиненій, какія были возведены сотниками на полковую и генеральную администрацію, и, согласно просьбѣ сотниковъ, назначилъ предсѣдателемъ этой комиссіи чужаго Малороссіи человѣка, полковника Мейера, предоставивъ однако ему выбрать въ помощь себѣ какого-нибудь неподозрительнаго человѣка изъ мѣстныхъ старшинъ. Мейеръ прибылъ въ Малороссію лѣтомъ 1747 г. (его первый докладъ сенату помѣченъ 31 іюля) и, избравъ помощникомъ себѣ полковаго обознаго Юркевича, приступилъ къ слѣдствію. Первоначально къ нему были привлечены только тѣ лица, которыя подписались на поданномъ императрицѣ доношеніи, или, какъ именуются они въ актахъ слѣдственной комиссіи, «доносители», но они, не уклоняясь отъ обязанности доказать справедливость своихъ заявленій, показали однако, что многіе факты имъ извѣстны только по разсказамъ товарищей, которые должны говорить сами за себя, такъ какъ собирались вмѣстѣ съ ними подать доношеніе императрицѣ. Въ доказательство они представили второй списокъ доношенія, пересланный Кузминскимъ Полянскому, и тогда комиссія указомъ отъ 8 декабря 1747 г. привлекла къ дѣлу и всѣхъ, подписавшихся на этомъ спискѣ, которому въ свое время не дано было хода. Почти всѣ они однако старались подъ разными предлогами уклониться отъ дѣла. Такъ напримѣръ Волынскій сотникъ Романъ Журба на допросѣ 11 янв. 1748 г. въ слѣдственной комиссіи объявилъ: «в чомъ онъ сотникъ Журба в подписки на некоторихъ пунктахъ и на заготовленномъ ихъ прежнемъ доношеніи подписался, онъ сотникъ Журба ничего по тому в оной комиссіи показать не имѣетъ, ибо онъ сотникъ безграмотенъ и, на чомъ подписался, подлинно ведать не можетъ, к тому ж онъ тогда вновь в сотню Волинскую сотникомъ в началѣ того ж 744 году былъ опредѣленъ, и тогда нѣ по чому еще било о тѣхъ козачихъ обидахъ ему сотнику знать.» Сотенные Менскіе старшины на призывъ въ слѣдственную комиссію сперва отвѣтили, что ихъ сотникъ находится въ Петербургѣ, а имъ

самимъ «нѣ по чему явится, понеже де они якъ прежде, такъ и нинѣ не челобитчики», и только мѣсяцъ спустя заявили, что и они, «доносить Ея Императорскому Величеству... были согласни», и обѣщали явиться въ комиссію, когда возвратится сотникъ ихъ. Но и самъ Кузминскій наравнѣ съ другими пытался теперь увернуться отъ слѣдственной комиссіи. Долго онъ не ѣхалъ въ нее, не смотря на нѣсколько разъ повторявшіеся вызовы, наконецъ за нимъ посланъ былъ нарочный, который и привезъ его; въ февралѣ 1748 года далъ онъ первыя свои показанія и выпросилъ затѣмъ себѣ отлучку до 1 марта для справки съ документами. Къ этому сроку однако онъ опять не явился, а прислалъ заявленіе, что ѣдетъ въ Глуховъ по дѣлу козаковъ съ указомъ сената, но козакъ, привезшій это заявленіе, показалъ въ комиссіи, что сотникъ спокойно живетъ дома и никуда не собирался ѣхать. Послѣ новаго настойчиваго приказа комиссіи явиться къ слѣдствію Кузминскій 7 марта подалъ прошеніе въ генеральную войсковую канцелярію, въ которомъ прямо отстранялся отъ дѣла, мотивируя это тѣмъ, что онъ не подписался на поданномъ императрицѣ доношеніи и ведетъ объ обидахъ козаковъ своей сотни особое дѣло въ сенатѣ. Вытребованный тѣмъ не менѣе въ комиссію онъ наконецъ взялся доказывать справедливость «доношенія». Точно также поступали и другіе.

Неудивительно, конечно, что при такой обстановкѣ и главные «доносители» не чувствовали особой охоты продолжать начатое дѣло. Изъ нихъ Политанскій долго не ѣхалъ вторично въ комиссію, отговариваясь болѣзнью; посланный осмотрѣть его нарочный подтвердилъ фактъ этой болѣзни, но комиссія все таки вытребовала его и тогда на допросѣ 16 марта 1748 г. онъ заявилъ, «что онъ нинѣ за болѣзнью его казать ничего не можетъ». Бѣлоусскій сотникъ Демьянъ Малинскій тогда же сказалъ, «что онъ содержится подъ карауломъ, а по правамъ де нашимъ кто подъ карауломъ сидитъ и що скажетъ, то не сылно, і онъ же на присутствующихъ в слѣдственной комиссіи обохъ персонъ, яко то на господина полковника Меэра і обознаго полкового Юркевича, челобитчикъ, і для того онъ Малѣнскій ни в какіе дѣла вступать и говорить ничего не хочетъ». Впрочемъ, уже 23 марта Малинскій «сказалъ, что когда от него такие резони не приемлются и другие его товарищи в дѣло вступаютъ, то и онъ в дѣло вступать и доказывать имѣетъ, токмо просить притомъ, чтобъ онъ с под караулу былъ освобожденъ».

Дѣло пошло своимъ путемъ, но путь этотъ оказался не очень гладкимъ: опасенія Кузминскаго и Рышки вполнѣ оправдались и сбылись. Доносители не смогли доказать всѣхъ своихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ старшины. Изъ пунктовъ доношенія слѣдователей особенно интересовалъ третій, въ которомъ заключалось обвиненіе полковыхъ канцелярій въ искаженіи и измышленіи указовъ, но онъ остался недоказаннымъ, хотя нѣкоторые изъ сотниковъ и брались отыскать въ своихъ сотенныхъ канцеляріяхъ такіе указы; единственный, представленный ими въ видѣ доказательства, прямо говорилъ противъ нихъ, такъ какъ въ немъ никакого искаженія не оказалось. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненія подтверждались точно указанными фактами, послѣдніе требовали особой провѣрки и слѣдствія: дѣла наростали, число свидѣтелей все умножалось, и постепенно общій вопросъ заслонялся для слѣдователей частностями, съ непомѣрной массой которыхъ они оказывались не въ силахъ справиться. Съ другой стороны къ дѣлу какъ-то незамѣтно примутывались и постепенно входили въ него обвиненія самихъ «доносителей» въ притѣсненіяхъ козаковъ; въ свою очередь эти обвиненія, мѣняя положеніе сотниковъ, обращая ихъ изъ обвинителей въ подсудимыхъ, привлекали къ слѣдствію все новыхъ и новыхъ лицъ, все болѣе и болѣе сложный матеріалъ. Слѣдствіе дѣйствительно становилось «продолжительнымъ»: оно тянулось годъ за годомъ, мало въ то же время подвигаясь впередъ. Прикосновенныя къ дѣлу лица сходили со сцены, смѣщались съ урядовъ, умирали, а самое дѣло все шло и конца ему не видно было. Чѣмъ оно кончилось, намъ такъ и неизвѣстно. Въ тѣхъ двухъ дѣлахъ, ему посвященныхъ, которыя были у насъ въ рукахъ, послѣднія бумаги, помѣченныя 1754 годомъ, все еще представляютъ собою слѣдствіе, а другихъ слѣдовъ этого дѣла мы въ архивѣ не нашли.

Такова исторія «прошенія черниговскихъ сотниковъ». Что касается самого документа, то онъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ двоякое значеніе. Кое-что въ немъ несомнѣнно преувеличено, кое-что обрисовано слишкомъ темными красками; онъ представляетъ собою своего рода запросъ, за которымъ должна бы послѣдовать еще уступка. Работу, въ этомъ смыслѣ не произведенную современникамъ, можетъ взять на себя потомство, руководясь другими актовыми свидѣтельствами того времени. Въ результатѣ, думается намъ, очищаются нѣкоторыя дѣйствительно присущія тогдашней жизни черты, рѣзко и ярко отмѣченныя современниками. Но если съ одной стороны этотъ документъ

рисуетъ намъ темныя стороны жизни прошлаго вѣка, то онъ же указываетъ и на существованіе протеста противъ нихъ въ самомъ тогдашнемъ обществѣ, не только среди обездоленныхъ низшихъ классовъ, но и въ нѣкоторой части по крайней мѣрѣ лицъ, занимавшихъ привилегированное положеніе. Наличность такого протеста и должна удержать насъ отъ слишкомъ рѣзкихъ, односторонніхъ приговоровъ. Почему же такой протестъ не развился, не принялъ болѣе жизненныя и достойныя формы,—на это должна отвѣчать не одна исторія черниговскаго «доношенія». **В. М.**

(Прошеніе сотниковъ черниговскаго полка о козачьихъ нуждахъ).

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Доносятъ малороссійскаго чернѣговскаго полку сотники і сотенная старшина нижеподписавшіесь, а в чемъ наше доношеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Предковъ Вашего І. В-ва всепресвѣтлѣйшихъ и самодержавнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей всемилостивѣйшимы многимы указамы, а паче высокомонаршою грамотою блаженныя и вѣчной славы достоянія памяти в. г—ря Петра перваго Імператора и Самодержеца Всероссійскаго, Вашего І. В—ва вселюбезнѣйшаго родителя, прошлого 723 года октября 23 дня состоявшого, утверждено козаковъ не токмо не обиждать, но еще повелено канцеляріямъ отъ обѣдъ защищать и охранять, в подданство не порабощать и сего яко огня боятца, грунтовъ ихъ у нихъ не отнимать и ихъ въ работу не употреблять. Якіе имъ козакамъ волности Вашего І. В—ва всемилостивѣйшими многими указамы подтверждены. Оніе ж козачіе ихъ волности и грунта таковымы всемилостивѣйшимы высокомонаршими грамотами охранены не токмо в маетностяхъ издавна свободныхъ, но и въ тѣхъ маетностяхъ, кои еще за державы полской под владѣлцамы по дачамъ королевскимъ были, в которыхъ маетностяхъ тогда и козаковъ не было, а после быть стали, ибо и на таковые маетности и дачи мужиковъ во владѣніе в подътвердителнихъ предковъ Вашего І. В—ва грамотахъ точно пишется тако: кроме козаковъ, которые при своих волностяхъ повинны быть ненарушно.

2.

Якіе козаковъ волности всемилостивѣйшимы всѣхъ предковъ Вашего І. В—ва Россійскихъ монарховъ укрѣпленные, канцелляріи не токмо отъ нихъ бѣдныхъ и безгласныхъ козаковъ разнимы образы отняли и понынѣ отнимаютъ, но и весма ихъ угнетаютъ, а именно:

3.

Во всемилостивѣйшихъ Вашего І. В—ва высочайшихъ указахъ прошлаго 742 года состоявшихъ велено купленные и без куплѣ в противность указамъ завладѣнные козачіе двори, футора, грунты и лѣса 1743 года съ августа м—ца понынѣ оные всѣ темъ козакамъ безденежно возвратить, а имъ владѣлцамъ отъ того владѣнія отказать и всѣхъ техъ козаковъ, коихъ оніе владѣлцы не обявили в протекціи и в господарствѣ, такожъ в подданствѣ и в курѣнцяхъ и в подсусѣдкахъ держать, всякимы оныхъ доходами и работами довольствуются, а от службы и от протчіихъ общенародныхъ повинностей защищаютъ, ис подданства оныхъ, с куренчиковъ и ис подсусѣдковъ виключить и написать по прежнему подъ сотнѣ и велѣть имъ козацкую службѣ служить, и общенародные повинности отправлять с протчіимы козаками, а темъ владѣлцамъ ни в чемъ до нихъ не интересоватся и впредь какъ ихъ, такъ и другихъ козаковъ и ихъ детей и подсусѣдковъ себѣ в подданство не привлекать. И в силѣ оныхъ Вашего І В—ва всемилостивѣйшихъ указовъ многіе владѣлцы таковыхъ купленныхъ и безъ куплѣ неналежне завладѣнныхъ козацкыхъ дворовъ, футоровъ, грунтовъ и протчего и ихъ самихъ понынѣ имъ козакамъ не возвратили и с подданства ихъ и с курѣнщиковъ, такожъ и подсусѣдковъ виключить и по прежнему под сотнѣ къ козачей службѣ и къ общенароднимъ повинностямъ написать не допустили, и какъ онимы козакамы, такъ и ихъ грунтамы вовси завладѣли. А канцеллярія вѣдая оные и протчіе о томъ всемилостивѣйшіе Вашего І. В—ва укази таковыхъ многихъ прямыхъ козаковъ в подданствѣ владѣлцамъ быть не токмо допустили, но и принудили неправо, о чемъ и указами с канцеллярій подъ Превысочайшимъ Вашего І. В—ва именемъ принуждать дерзаютъ, и с которыхъ многіе козаки з грунтами своимы и нынѣ въ подданствѣ и в подсусѣдкахъ мужичихъ остаются.

4.

Которіе козаки егда о своемъ козачествѣ и чтобъ в томъ званіи по присяжной своей должности В. И. В—ву отбувать службу

бить челомъ учнуть, то канцеллярiи не токмо владѣлцамъ оныхъ бить вещадно плетьмы, кiями и батожьемъ допущаютъ, но иные владѣлцы в самыхъ канцелляріяхъ таковыхъ о козачествѣ своемъ челобитчиковъ бють нещадно, а правителѣ канцеллярiй, по занесеннимъ от таковыхъ челобитчиковъ жалобамъ, о бою ихъ не токмо молчатъ и где надлежитъ по командѣ не доносятъ, но и самы явно в томъ владѣлцамъ потакаютъ, и паче угнѣтать и в домахъ и по полямъ ловить козаковъ и держать на цепахъ, да и женъ ихъ козаковъ и дѣтей насылно в домы владѣлческiе брать и в утѣсненiи ихъ содержать допускаютъ, и опредѣленiямы своимы за то, что служитъ В. И. В—ву, а не владѣлцамъ бедные козаки ищуть, ихъ кiямы бить велятъ, и указамы подъ Превысочайшимъ В. І. В—ва именемъ то же подтверждать не опасаются. К тому ж владѣлцамъ таковыхъ челобитчиковъ о козачествѣ нарочно разграблять движимыя ихъ и недвижимыя имѣнья, а на протчихъ накидать с'естнiе и питейнiе припаси с'несносною ихъ обидою допускаютъ же, даби козакъ впредь хотя бы и доказалъ о своемъ козачествѣ, служить В. І. В—ву с чего не имѣлъ. А указомъ . . . . . Петра Перваго . . . . . прошлаго 1723 году состоявшимъ, о козачествѣ не толко природнимъ козакамъ, но и посполитимъ бить челомъ всемилостивѣйше позволенно, егда же с оныхъ козаковъ о таковыхъ своихъ нуждахъ къ В. І. В—ву бить челомъ пойдуть, то оныхъ канцеллярiй привителѣ, перенявъ такихъ козаковъ на путы закидаютъ в турму и всѣмы образы не допущаютъ В. І. В—ву Всемилостивѣйшей Государынѣ челобитствовать. О каковихъ дерзостехъ старшинскихъ и противныхъ дѣйствiяхъ хотя имъ же и протестовали некоторiе з насъ, однакъ не что иное, толко репримандi от нихъ получили, а паче чтобъ о томъ не представляли и по представленiи при слѣдствiи не были, раскомандированы и в коммисiи опредѣляемы бывали.

5.

Всемилостивѣйшимъ указомъ . . . . . Петра Перваго . . . . . зборы праздничнiе ралцевiе приватные прежде было собираемые для облегченiя народа вовся отставлены. За гетмана же Апостола изобрѣтенъ зборъ денегъ изъ самыхъ козаковъ, который зборъ показанъ на старшини полковые и сотенные и на канцелярскiе служители и на канцелярскiе жъ потребности, а з мужиковъ, которихъ большимъ числомъ имѣется, и таковые ихъ дѣла в канцелляріяхъ всегда отправляются, ничего не собирается, затѣмъ, что владѣлцы мужи-

ковъ своихъ защитили и всѣ тяжесты мужичіе на козаковъ свалили. Издревле же на войсковіе нужди из' самихъ толко мужиковъ и из' мещанъ, а не с козаковъ собираемы бывали збори по общему совѣту и расположенію, козаки же токмо едину службу государственную ведали. А нынѣ, понеже тѣжъ старшины и владѣлцы послѣ состоявшихся многихъ указовъ роскупили и безъ куплѣ разнообразно завладѣлы и в подданство подвергли многихъ козаковъ и стало уже меншее число, то оны с техъ уже искупленнихъ и безъ куплѣ подверженнихъ и в протекціяхъ содержимихъ ничего взимать не допускаютъ. За таковимъ недостаткомъ з осталнихъ козаковъ и за тѣ отшедшіе в куплю и без куплѣ завладѣніе беруть денги, такъ что ралець той, который запрещенъ указомъ былъ, толко собиранъ малимъ числомъ, а нынѣ оной з'боръ, которого спрежде сего не бывало произ'йшолъ ежегодно, с'иного козака до осми гривень и болѣе. Да и таковая собираемая сумма невѣдомо куда употребляется, ибо много с тѣхъ, на коихъ дача с той суммы опредѣленна, и в комплектѣ не состоятъ, и опредѣленныхъ на нихъ денги невѣдомо где дѣваются, хотя противъ генералного опредѣленія поежегодно в сотняхъ невѣдомо почему от полковой канцеллярія прибавляются, такожъ и на сотенніе старшини не всегда на всѣ опредѣленное число денегъ отдаютъ инніе же чиновники и весма не належно получаютъ денги, з бедныхъ козаковъ собираемые, имѣя свои довольствія и маетности, а чиновники сотенніе весма обиженни. А что на расходы сотенныхъ канцеллярій на всякую порознь опредѣленно в годъ по три рубля, то за тѣ денги, покупая папѣръ, чернило, сургучъ, воскъ, оливу, минѣю, свѣчи и прочное, невозможно довольствовать тѣмъ канцеллярія сотенной ниже на четверть года.

6.

А дабы вовся угнѣтать бедныхъ козаковъ и всякому з'правителей канцеллярій и владѣлцамъ пріумножить себѣ козаками подданства, опредѣляютъ козаковъ подпомощниковъ во всякіе мужичіе тягосты, в работи, в'дачи на почти денегъ, в'подводи и в'прочіе многіе опредѣленія, самимъ мужикамъ прислушаючія, а иногда и виборнихъ козаковъ, и за споромъ и за ослушностію владѣлцовъ, принужденны самые козаки всѣ тѣ отбувать тяжести, а в'случаи в'мѣсто мужичихъ подводъ козачіе лошадѣ в подводи і гвалтомъ беруть, временемъ же за провіантъ и фуражъ на ихъ владѣлческихъ мужиковъ и подсусѣдковъ по расположеніямъ полковой канцеллярія опредѣленніе

за ослушностію владѣлцовъ козаки вистатчаютъ, и от того оніе козаки подпомощики приходятъ в крайнюю нищету, такъ что и виборному козаку подпомоги дать не могутъ. А многие от такого разоренія, оставя свои грунта и домы, идуть прочь, и въ ту пору владѣлцы пустые ихъ козачые грунта похищають безъ жадной дачи и куплѣ, а поселившихся вновь на тѣхъ же козачихъ грунтахъ подвернули себѣ в подданство, и от общенароднихъ указнихъ дабелей защитили, не взирая на то, что указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяты Государины Імператрици Анни Іоанновны Вашего І. В—ва любезнѣйшей сестрицы прошлаго 739 году февраля 5 дня состоявшимъся повелено всѣмъ, кои на козачихъ грунтахъ живуть и имы ползуются, отбувать козачую службу и протчіе общенародные повинности, не обходя никого, равномѣрно по пропорціи имущества, понеже напротивъ того и Коммиссія Экономіи з грунтовъ посполитихъ, на которыхъ козаки, по давнымъ куплямъ и по наслѣдыямъ поселившись живуть, служби посполитой к ратушамъ требуеть. О коихъ козачихъ нуждахъ хотя от иннихъ и насъ и протесты были с представленіемъ, что за таковое владѣлцовъ дерзновеніе, яко они смѣлы присовокупить себѣ без'дачи подданства, и протчую ихъ дачу надлежитъ отписать на Ваше И. В—во, однако канцелляріи ничего того не внушаютъ, предпочитая в томъ свою приватную ползу паче государственнаго інтересу, от чего умаленіе в службѣ козачей происходить, да и за ослушность в разнихъ указнихъ приложеніяхъ владѣлцовъ никакъ не штрафуютъ, но видимо имъ в томъ потакаютъ, от чего владѣлцы в'таково пришли дерзновеніе и безопасность, что присилаемихъ з сотеннихъ канцелярій по тѣмъ же указнимъ дѣламъ, яко то за доправкою провіянта и фуража на консистуючіе, за подводами и за протчіимъ, по силѣ указов по расположеніямъ требуемымъ, нарочнихъ козаковъ и коммиссаровъ сотеннихъ бють нещадно воловими жиламы и увѣчатъ, отчего имѣются многіе на ихъ владѣлческихъ мужикахъ и подсусѣдкахъ недоимки якіе вместо мужиковъ, затемъ, что защищаютъ ихъ владѣлцы, на беднихъ козакахъ и коммисарахъ взискуются, с немалою ихъ козаковъ и коммисаровъ обидою и разореніемъ; а по протестамъ и челобитнимъ никаково правосудія о таковыхъ самоволныхъ бояхъ в канцелляріяхъ обидиміе никогда не получаютъ, да съ онихъ же владѣлцовъ егда за неисполненіе по указамъ Вашего І. В—ва прикажчики ихъ, господарь или подсусѣдки содержутся въ сотеннихъ канцелляріяхъ подъ карауломъ gвалтовне нападки чинятъ на канцелляріи соттенные и старшину сотенную в

тѣхъ канцеллярiяхъ бранятъ, а оныхъ содержимыхъ самы с под карауду самоволно освобождаютъ и по указнимъ дѣламъ исполненiя не чинятъ, а по представленiямъ о томъ в полковую канцелляpiю никакова опредѣленiя и истязанiя за то не происходитъ.

7.

Когда бедніе козаки в прошедшіе военніе с Полщею и с Туркомъ времена чрезъ килко годовъ были в походахъ, то владѣлцы, а паче тѣ, кои от походовъ укрывались разними види, живя в домахъ, а усмотря, что нѣкому обстоевать за козаковъ и ихъ грунта, gвалтомъ козачіе грунта позаежжали, и хотя оные бедные козаки, пришедь с походу, били челомъ и должно б было заразъ по силѣ правъ возвратить отнятое, а владѣлцамъ велѣть судомъ искать ежелибы что имѣли до козаковъ претенсіи, о чемъ такъ словесніе, яко и писменные от многихъ з насъ протести были. Однакъ правителѣ канцеллярій, онымъ владѣлцамъ небезъпристрастно потакая, ничего не приняли и по своей присяжной должности не токмо ничего за силу вышеписанной грамоты и всемылостивѣйшихъ В. І. В—ва указовъ о защищеніи козаковъ не дѣйствуютъ и ихъ козаковъ не охраняютъ, но еще допустили такъ, что нинихъ козаковъ за то, что они о своихъ грунтахъ били челомъ, и до смерти поприбивали владѣлческіе старости, кои козаки от того бою и померли, о чемъ правящіе в канцеллярiяхъ ни протестовъ, ни челобитнихъ не принимаютъ на едину козацкую обиду и разореніе; и в таковихъ они жъ козаки за грунта свои искахъ нигде ни в'единой канцелляріи не получили себѣ никогда правильной сатисфакціи, но ежели не gвалтомъ и боемъ от иску отогнаны, то волокитою отстранены или непріятіемъ челобитнихъ от иску своего вовся отдалены. А временемъ по тяжестномъ стужанiи хотя и пріймутъ от кого челобитную, то ни в протоколъ не записавъ, волочатъ поти, пока бѣдный козакъ, стуживъ волокитою и разореніемъ, отстанетъ отъ иску. А напротивъ того по всѣмъ владѣлческимъ на козаковъ челобитнимъ скорое разсмотреніе и рѣшеніе по хотѣнiямъ ихъ владѣлцовъ дѣлается. Многихъ же козаковъ какъ из старинныхъ реестровъ козачіихъ, такъ из новихъ ревѣзіялнихъ книгъ нинихъ совсѣмъ повидиравъ, такъ что ни в'козачіихъ, ни в мужичіихъ ревѣзіяхъ нетъ, а нинихъ повитиравъ, в козачихъ спискахъ старинныхъ, в ревѣзіяхъ мужичихъ понаписовали и старинніе о козакахъ списки почернили и повидирали для своихъ прихотей,

а паче для порабощенія козачихъ грунтовъ и ихъ самихъ себѣ в подданство.

8.

Многихъ бедныхъ, разоренныхъ и з'домовъ ихъ вигнанныхъ, такожъ купленныхъ и безцѣнно купленныхъ и безъ куплѣ подверженныхъ козаковъ к присяги на вѣрность В. І. —В—ву владѣлцы не допустили, забравъ и разграбивъ все ихъ имущество такъ, чтобъ темъ привесть ихъ в крайнюю ницету, дабы они впредь не могли о себѣ бить челомъ, но разволоклися бъ по миру, какъ уже многіе и разволоклися, а чтобъ той присяги не чинили, а служили бъ владѣлцамъ, кіими нѣкоторихъ козаковъ были.

9.

Чрезъ какое небреженіе должностей своихъ и чрезъ видимое неисполненіе В. І. В—ва указовъ многимъ числомъ козаки не токмо подпомощники, но и виборные, какъ сами, такъ и грунта ихъ розними образи завладѣнии напрасно, протчіе же многіе в протекцію в'зяти неналежно, а указамы В. І. В—ва всемирно подтверждаютъ в'полномъ комплектѣ имѣть виборнихъ козаковъ, и тѣхъ содержать по указной формѣ во всякой воинской исправности и в умундированіи в'дву достойнихъ лошадяхъ, чимъ оные козаки ради предьписаннихъ разорителнихъ от владѣлцовъ происходящихъ, а от канцелярій допущаемихъ причинъ, и что в обидахъ своихъ не получаютъ правосудія и справить себе в'полный комплектъ не могутъ, и всегда умаляются, и тако канцеляріи, самы в томъ состоя, разоряютъ козаковъ и разорять владѣлцамъ допущаютъ, а за неисправносты виборнихъ козаковъ на насъ сотенныхъ комендирахъ спрашиваютъ и репримандуютъ.

10.

Что же всемилостивѣйшимы В. І. В—ва указамы виборные козаки, респектомъ войсковихъ (службъ?) и респектомъ содержанія оними фарностовъ безпрестанно, и протчіихъ службъ от сустентаціи консистентовъ уволненны, а козаки жъ подпомощники къ той же сустентаціи кладутся два противъ одного посполитого, то и той дабели самы оные подпомощники внесть не могутъ за крайнимъ убожествомъ своимъ, за разореніемъ и умаленіемъ ихъ числа. Якое ихъ подпомощниковъ несостояніе видя, виборные козаки принужденны в той сустентаціи консистентовъ имъ подпомощникамъ в'спомощество-

ваніе чинить, которое и дѣйствително чинять. И тако подпомощики скудныхъ виборныхъ козаковъ в'лошадяхъ, в руж'и и в плать'и, харчахъ и в'протчіихъ воинскихъ потребностяхъ подпомогая и самы в службахъ безпрестанно обретаясь, виборніе же козаки имъ подпомощикамъ в сустентаціи консистентовъ и в'протчіихъ в'спомоществуя в'крайнее оскудѣніе и в неспособность къ службѣ В. І. В—ва приходять, да и тотъ наборъ виборныхъ козаковъ в'сотняхъ учиненъ не по пропорціи дворового числа и не по стат'ямъ имуществъ, но смотря на ростъ и природу в наборъ положенны з'весма убогихъ и нищихъ козаковъ.

11.

Нѣкоторіе владѣлцы, чувствуя В. І. В—ва всемилостивейшіе указы, отдали были скупленныхъ оними козаковъ подъ сотнѣ, кои козаки и на вѣрность В. І. В—ву къ присягѣ приведены и дѣйствително В. І. В—ву служать в'козакахъ, и таковыхъ козаковъ по челобит'ямъ тѣхъ же владѣлцовъ канцелляріи указами обратно владѣлцамъ тѣмъ же в'подданство.

12.

Высочайшимы В. І. В—ва указамы велено владѣлцамъ объявлять козаковъ у нихъ в'подданствѣ имѣющихся, а коихъ бы владѣлци не объявили, то велено самымъ козакамъ себе объявлять. Владѣлци же не токмо не являютъ самы козаковъ при сочиненіи ревѣзіи дворового числа, но еще, ежели кто самъ себе объявить ревѣзорамъ козакомъ, таковыхъ козаковъ при техъ же ревизорахъ бютъ нещадно, устрашая, чтобъ себе козаками не являли, но были б в'подданствѣ. А канцелляріи таковыхъ же козаковъ, забивъ в колодки, велять привозить в канцелярію подъ карауломъ и принуждаютъ ихъ дать подписки, чтобъ владѣлцамъ были подданніимы, а за протчіимы козакамы, кои бютъ челомъ о козачествѣ, с канцеллярій посылаютъ нарочныхъ по інструкціямъ бить ихъ за то кіями, коихъ и б'ютъ какови бѣдствіи и народніи разоренія (весма чаятелно) и в протчіихъ сотняхъ и полкахъ чинятся. Да кромѣ тѣхъ вышеизображенныхъ и протчіе непорядки и неисправности по указнымъ общенароднымъ расположеніямъ в канцеллярiяхъ происходятъ. А что опредѣлены денежки на необходимые потребности коммисарскіе, яко то на паперъ, на чернило, на сургучъ, на свѣчи и на протчіе нужди, с'обывателей от порцій и рацій собираеміе по единой денежки, то и тѣ в канцелярію взимаются и невѣдомо куда употребляются.

13.

Владѣлцы в'данныхъ имъ деревнях грунта, коимы козаки нынѣ владѣютъ, а тѣ грунта были прежде владѣнія техъ владѣлцовъ и за мужиками, по свободной же куплѣ достались козакамъ прежде техъ владѣлцовъ владѣній, а нѣкоторія хотя и за владѣнія техъ владѣлцовъ, токмо издавна индѣже и за позволеніемъ владѣлцовъ купленніе, нынѣ гвалтомъ отбираютъ безденежно без'всякаго указа. А многіе уже грунта и пахатніе поля з'имѣвшимися на нихъ засѣвы и з жатою пашнею безденежно и поотбирали; напротиву же того грунти, кои нынѣ под мужиками, а были тѣ грунта прежде по свободной же куплѣ и за козакамы, обратно козакамъ не отдаютъ и темъ службу козачую не токмо умаляютъ, но и весма разоряютъ; да оны жъ владѣлцы возбраняютъ шинки содержать и в таковыхъ селахъ и деревняхъ, с коихъ в селѣ или деревнѣ весма малимъ числомъ дворовъ ихъ мужичихъ, а напротиву того козачихъ доволное дворовое число имѣется. С которихъ шинковъ козаки ползу имѣютъ и указанные повинносты отбувають, ис техъ шинковъ они жъ владѣлци забираютъ самоволно питейные рѣчи, и тѣмъ ихъ козаковъ безмѣрно обижаютъ.

14.

Да оные жъ владѣлцы многимы козачими грунтамы завладѣли напрасно таковимъ образомъ: когда подданій его владѣлцы возметъ себѣ в'жену наслѣдницу грунтовъ козачихъ, таковими грунтами козачимы многимы они владѣлцы и нынѣ владѣютъ.

15.

В силѣ Высочайшихъ В. І. В—ва многихъ указовъ и по силѣ правъ всемилостивѣйше повелено—не бивъ челомъ первѣе по порядку в нижныхъ правленіяхъ и канцеллярiяхъ, в коихъ кто судомъ и расправою вѣдомъ, в вышніе канцеллярiи челомъбытень и доношеній по челобитческимъ дѣламъ не подавать, а по подаваемымъ не чиня никакого произвожденія, отсилать по порядку в нижніи правленіи и канцеллярiи по тому жъ, где кто вѣдомъ для разсмотрѣнія и рѣшенія, вышнихъ же канцеллярій правители, не смотря на то, за прихоти свои челобитніи и доношенія принимаютъ непорядочно и по онимъ произвожденія чинятъ неналежно с великою волокитою и помѣшателствомъ судовъ, да сверхъ того, ежели бедной козакъ б'етъ челомъ по земству на которого силного и богатого владѣлцу, то

канцелляріи в судъ сотенный, къ коему суду то земство по правамъ надлежитъ, таковихъ и не допущаютъ, но самы по страстямъ с'немалою обидою и с'крайнимъ разореніемъ челобитчиковъ судятъ в отмѣнность малороссійскимъ правамъ.

16.

О каковыхъ и протчіихъ многихъ нуждахъ, бѣдствіихъ и разореніахъ козачіихъ, хотя многіе самы козаки и многократно были челомъ, и мы нижайшіе по присяжной нашей должности, зная о томъ всемылостивѣйшые В. І. В—ва высочайшіе указы, представляемъ такъ в'полковую Чернѣговскую, яко и в'Енаралную Войсковую канцеллярію, однако кроме единой волокити ничего никто не получилъ, а от инныхъ з насъ и представленнія о козачіихъ нуждахъ в'Енералную Войсковую канцеллярію посиланныхъ не принято.

17.

А что инные з сотниковъ и з сотенной старшини полку Чернѣговского на семъ нашемъ всеподданѣйшемъ доношеніи не подписались, то знатно тѣ, за собою тоже касаючоеся къ скуплямъ и къ другимъ обидамъ козачимъ чувствуя, подписатись здесь не похотѣли.

Всемилостивѣйшая Государыня просимъ В. І. Величества поданныхъ отъ вышшепрописанныхъ тяжестей и от мужичихъ повинностей, и от налоговъ и зборовъ, прежде небывалихъ, и от владѣлческихъ разореній освободить, а о подверженныхъ в'отмѣнность какъ предковъ В. І. В—ва, такъ Вашего жъ І. В-ва всемылостивѣйшихъ многихъ указовъ и о завладѣнныхъ козакахъ, и ихъ козачіихъ от владѣлцовъ разнимы образы грунтахъ (с чего умаленіе службы козачей происходитъ) и о протчемъ, в семъ доношеніи нашомъ изображенномъ всемилостивѣйше повелѣть мимо полковую Чернѣговскую и Войсковую Енералную канцелляріи, такожде мымо судъ войсковій генералный изслѣдовать нарочно опредѣленнымы от высочайшой В. І. В—ва персоны. При какомъ слѣдствіи и намъ всѣмъ здѣсь подписавшимся купно во всякой сотнѣ быть приказать, ради праведнаго и безпоноровочнаго слѣдствія, а паче для того, что в разныхъ сотняхъ разные обиди и разоренія от сплныхъ владѣлцовъ за поноровкою старшинскою козакамъ приключенны, и чтобъ тѣ обидимые без'опаскѣе, какъ от канцеллярій, такъ и от онихъ владѣлцовъ обиди свои

представлять и доказателствамы утверждать могли; а тѣмъ опредѣленнимъ для слѣдствія всемилостивѣйше повелѣть, дабы они от насъ нижайшихъ представленія о всѣхъ козачихъ нуждахъ и от обиженнихъ козаковъ челомъбитные доношенія и доказательства, безъ всякихъ из'ятій и затѣскъ принимая, разсматривали, да и полковая Чернѣговская и войсковая енералная канцелляріи, такожъ и судъ войсковый енералный ни единого з насъ никуда не отлучали б и в коммисіи во время произвожденія о томъ слѣдствія не опредѣляли бъ высочайшимъ В. І. В—ва указомъ запретить, ибо бедніе козаки, яко весма без'гласніе з'силнимы владѣлцамы и старшинамы сами о себѣ ничтоже успѣютъ, но всегда в'своихъ праведнихъ искахъ и доказателствахъ предъ ними силними владѣлцамы и старшинамы, какъ прежде оставались, так и нынѣ остатся могуть.

Всемилостивѣйшая Государыня просимъ В. І. В—ва о семъ нашемъ доношеніи рѣшеніе учинить. Писано сіе доношеніе 1744 году августа дня.

К сему доношенію руку приложилъ Андрей Полянскій сотникъ Синявскій

К сему доношенію Сосницкій сотникъ Павелъ Полѣтанскій руку приложилъ

К сему доношенію Бѣлоускій сотникъ Даміанъ Малѣжскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотникъ Ройскій Леонтій Бакуринскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотникъ Менскій Григорій Кузмѣнскій подписался.

К сему доношенію сотнікъ Волиский (sic) Романъ Журба руку приложивъ.

К сему доношенію сотникъ Городницкій Іванъ Пирятинскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотнѣ Синявской вмѣсто наказного сотника Петра Петрова и за себе писаръ тоей же сотнѣ сотенний Кондратъ Яновскій подписался.

К сему доношенію сотнѣ Синявской хоружій Іванъ Борисенко за себе и за асаулу сотенного яко неграмотного Івана Кобеляка своеручно подписался.

Сотникъ наказний Менскій Іванъ Троцкий подписался.

Атаманъ городовий Менскій Кирило Оникѣевъ.

Писаръ сотений Менскій Михайло Барановский подписался.

К сему доношенію атаманъ городовий Сосницкий Іванъ Можчинъ руку приложилъ.